

ПЕТЬ или не петь Марии Гулегиной, решало собрание. Вопрос, правда, стоял чуть-чуть иначе: петь или не петь с Марией в спектакле, который ей давно хотелось поставить, — в «Тоске».

Коллектив Государственного академического Большого театра оперы и балета Белоруссии, прозаседав с двух дня до девяти вечера, решил: с Гулегиной не петь.

Голосованием решил.

И было на том собрании еще одно голосование: давать или не давать ей слово для выступления.

Постановили: не давать.

Это было в феврале прошлого года. После этого и забрала Мария Гулегина, заслуженная артистка Белоруссии, свои документы из театра. Как раз в Международный женский день и забрала.

«В Минск я больше не вернусь» — категоричность абсолютная.

Речь, понятно, идет о возвращении в театр, который отверг ее и который теперь отвергает она.

С певицей мы встретились через несколько дней после того, как на сцене нью-йоркского «Метрополитен-опера» она дебютировала в «Тоске». В Нью-Йорке Гулегина всего на несколько недель: контракт с «Метом» только на «Тоску». Потом — Япония, потом — еще что-то. Ее календарь расписан по конец девяносто третьего года. Полностью. И уже пошли записи — ангажементы на девяносто четвертый.

До нас, до Союза, маршрут не добирался. Это, правда, вовсе не значит, что приди приглашение выступить в благотворительном концерте, певица откажется. Это значит просто то, что для советской оперной сцены, для оперных спектаклей на этой сцене она в обозримом будущем существовать не будет.

Потеря? Бесспорно.

Еще одна потеря. Какая потеря?

Назад смотреть проще, чем предвидеть то, что будет впереди. Изгнав Гулегину, белорусский ГАБТ победы не одержал, хотя год назад многим, наверное, и казалось, что великое сделано дело. Я вовсе не пытаюсь доказывать, будто в том громком скандале, который разыгрался в театре, элементарно просто можно было провести границу между белым и черным. Сказать: вот это, безусловно, хорошо, а вот это, безусловно, плохо. У Марии, как успел я заметить в долгой беседе нашей, главным образом — по тому, как рассказывала она о своей жизни, характер не подошел бы стопроцентно для общезначимости. Она, прекрасно понимает, каким великим талантом наделена и насколько счастлива — она в этом миллионы других людей, оперных певцов в том числе.

Мария отлично знает себе цену. И говоря о цене, я имею в виду не обязательно доллары, рубли, франки, марки и иены. Знать себе цену — это точно знать свое место среди коллег, свой потолок и, что важнее, тот нижний уровень, опуститься за который ты не имеешь права даже на мгновение, дабы не началась девальвация твоего дарования, твоего таланта.

Великий талант необязательно сопрягаться должен с великим характером. Но неужто сцена театра должна быть общежитием? Если бы было так. «Мет», например, давным-давно бы рухнул: «звезды», что поют там, далеко не все ангелы. Если то, что я слышал про тенора Бруно Беккариа, который пел в «Тоске» партию Каварадосси, про его, как выразились бы у нас,

собленность, право выделяться? «Какая черная неблагодарность», — говорили Марии на том собрании, — как можно относиться так к родному театру, который вскормил и взрастил вас?»

Вспоминая об этих словах, певица горько улыбается, мне понятна ее горечь: ее приход в театр, куда позвала ее Светлана Филипповна Данилюк, народная артистка, человек, которому Мария бесконечно признательна, встречен был как приход тарарина в известной поговорке. Ей, не таясь, говорили, что считают бездарностью, и не давали партий иных, чем те, которые, по словам Гулегиной, «состояли самое большее из трех нот» и исполнении которых в оперном мире говорят: «Поем моржей».

Мне понятна ее горечь: уже выступив в трех сезонах подра

она особенно подчеркивала, — это горечь расставания с нашей оперной публикой.

И еще жалеет она, что в интервью, которое дала год назад минскому журналисту и которое обернулось газетной статьей, родившей повод для знаменитого собрания, не стала уточнить, расшифровывать, разоблачить его же самую сказанную фразу: в театре нашем — сильней серости.

«Ошиблась я, — признает она сейчас, — надо было бы назвать конкретно семь-восемь имен».

А так получилось, что маэнула всех одной краской, весь театр.

Мария назвала мне эти имена, имена серости, «подошедшей, по ее выражению, к верху, как сливки». Не думаю, что мне надо повторять их за нею, тем более что возможности выслушать их точку зрения на случившееся я не имел.

Вполне допускаю, что меня могут обвинить в искажении сути конфликта — в односторонней и однобокой его подаче. Но, во-первых, никто, видимо, не помещает и другой стороне высказаться.

А во-вторых, меня, откровенно говоря, интересует не сам конфликт, не его предыстория и не те слова, которыми обменивались на злополучном собрании. Меня интересуют последствия этого конфликта.

Они просты: мы лишились звезды. Надолго? Года на три минимум, если судить по творческому календарю Марии Гулегиной, солистки «Ла Скала», «Мета», других крупнейших оперных театров мира.

Она не первая, она, боюсь, не последняя.

Я не настолько наивен, чтобы полагать, будто скандал в театре — единственный фактор, будто не сыграло своей роли, как и в судьбах других певцов и певиц и в судьбах многих людей множества других профессий, элементарное честолюбие, ухватившееся за возможность дать способностям, таланту раскрыться, проявить себя в условиях, почти идеальных, в тепличных. И наконец — фактор финансовый. За один-единственный выход на сцене «Мета» солист получает десять — пятнадцать тысяч долларов, на сцене «Ла Скала» — больше тридцати тысяч.

Какие у нас ставки в Большом? А в минском ГАБТе?

Я учитываю все это. И все же считаю, что, не будь скандалов ни в минском ГАБТе, ни в Большом, ни в других театрах страны нашей, больших и малых, оперных и балетных, драматических и не очень, отток талантов за рубеж не был бы так интенсивен, так катастрофичен, как сейчас.

Любить надо звезд...

Странным показаться может пожелание это.

А вот в Америке их любят.

А. ШАЛЬНЕР,
собр. корр. «Известий»
НЬЮ-ЙОРК.

ПЕТЬ ИЛИ НЕ ПЕТЬ РЕШАЛО СОБРАНИЕ...

«взаимоотношения в коллективе» правдиво хотя бы на четверть, ни одно наше профсоюзное собрание чиниться с ним не стало бы ни секунды. «Знался», — сказали бы, — оторвался от масс, груб с народом, не признает авторитетов. Ему не по пути с нами».

И проголосовали бы, чтобы не пел Бруно, не позорил сцену прославленного нью-йоркского театра и прославленного творческого коллектива.

О Пласидо Доминго можно было бы задуматься, и о Паваротти, и о... Длинненький, обширен окажется список.

Будь такая система на Бродвее, вмиг бы опустели его театры. А Голливуд наверняка обанкротился бы, Владимир Горовиц — светлая память ему — такую характеристику себе заработал бы своей взрывчатостью, что по меньшей мере невыездым был бы.

Характер Марии не для общезначимости. Она — прима, она — солистка, она — звезда, чей талант признан не только ею самой, но и менеджерами крупнейших в мире оперных театров. Если человек талантлив, почему он обязательно должен стоять вровень со всеми? Почему признавал наконец неизбежной социальную несправедливость рыночной экономики, где одни будут многократно богаче и удачливее остальных, мы не очень готовы признать право людей одаренных на обо-

на сцене «Ла Скала», куда она была приглашена еще совсем в младом возрасте — ей, кажется, и двадцати пяти тогда не было, — Мария продолжала жить в «общаге» при консерватории. С мужем.

Кому, конечно, объяснишь в «Ла Скала», что певица, стремительно становившаяся мировой звездой и получавшая в Милане колоссальные — по нашим, советским меркам — гонорары, у себя на родине, в своем театре больше общезначимости ничего не заслужила. И кому в «Ла Скала» объяснишь, что колоссальную долю колоссальных гонораров забирал себе Госконцерт — великая, по словам Марии, «рабовладельческая организация».

...Характер Марии не для общезначимости, мне так показалось.

«Не хочу слушать больше бред сивой кобылы», — взорвалась она и ушла с собрания. Тот, чью речь, а точнее, филиппику, — прервала она такой репликой, подал в суд. По словам самой певицы, ей неизвестно, чем кончилось разбирательство и было ли оно вообще: «Может, — говорит, — и до сих пор тянется, и я, выходя, скрываюсь от советского суда».

Я не почувствовал в том, что и как говорила мне Мария, ощущения острой жалости из-за того, что пришлось расстаться с минским ГАБТом. Напротив: «Я теперь не боюсь, как в Минске было, спектаклей».

Что почувствовал я и что сама